

За чужими
ОКНАМИ

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая <i>жизнь</i>	Дорога <i>на две улицы</i>
То, что <i>сильнее</i>	Верный <i>муж</i>
Машкино <i>счастье</i>	А жизнь была <i>совсем хорошая...</i>
Беспокойная жизнь <i>одинокой женщины</i>	Ее последний <i>герой</i>
Второе <i>дыхание</i>	Вечный запах <i>флоксов</i>
Испытание <i>медными трубами</i>	Женский <i>день</i>
Всем <i>сестрам...</i>	Кровь <i>не вода</i>
И шарик <i>вернется...</i>	Можно я побуду <i>счастливой?</i>
Дневник <i>свекрови</i>	Женщины, <i>кот и собака</i>
После <i>измены</i>	Миленький <i>ты мой</i>
Ошибка <i>молодости</i>	Фиалки <i>на десерт</i>

*Мария
Метлицкая*

**Фиалки
на десерт**

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Фиалки на десерт / Мария Метлицкая. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (За чужими окнами.
Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-95568-8

Самая бескорыстная, абсолютная любовь — матери к своему ребенку. Только мать любит не за что-то, а просто так. Но как часто эта любовь эгоистична! Как часто она не во благо, а во вред!

Таня родила сына в восемнадцать. Когда ее сверстницы бегали на свидания, дискотеки и в кафе, меняли кавалеров и строили планы на будущее, она стирала пеленки, варила кашки и ходила гулять в ближайший к дому сквер с коляской. Все вокруг считали ее ненормальной, а Таня не жалела ни о чем — впервые в жизни она чувствовала себя нужной.

Но время идет. Казалось бы, вчера она, держа в своей руке маленькую теплую пухлую ладошку сына Мити, вела его в первый класс. А сегодня Митя уезжает навсегда в Париж, потому что его молодая жена — француженка.

Жизнь закончилась? Все жертвы были напрасны? А может, наоборот? Все только начинается? Взрослый сын молодой женщины — это ведь так романтично...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95568-8

*Фиалки
на десерт*

Такого Таня не ожидала. И даже похожего не ожидала.

Удивилась? Да не то слово! Обалдела просто. Замерла, превратившись в соляной столб. Потому что то, что случилось, было ужасно.

Потом взяла себя в руки, разумеется. Жизненный опыт, он ведь всегда спасет. И улыбочку жалкую выдавила, и глазки «настроила», и ручками всплеснула. И почти елейным голосом проговорила:

— Ах, как приятно!

Приятно не было нисколько.

— Ну проходите, конечно! Плащик на вешалку, да-да, сюда. Оторвалась вешалка? Да не беспокойтесь! А сапожки? Нет? У вас так не принято? Да бог с ними, с сапожками! Ну раз не принято! Конечно же, проходите и так! Да ерунда какая, что дождь на дворе!

Чуть не предложила бахилы — остались после маминой больницы. Слава богу, вовремя одумалась. А она и не думала беспокоиться, эта... мадемуазель.

И ботинки снимать не подумала — глянула на Таню как на врага. И сынок, кровинушка, тоже гля-

нул... Просто прожег взглядом, словно огнемёт. Чуть не спалил! Куртец свой она небрежно бросила на стул в прихожей. Вешалки в Париже, видимо, не приняты. Как и тапки. Тане показалось, что она хотела швырнуть куртку на пол. Впрочем, такую и не жалко!

Протопала в комнату в своих говнодавах. На полу следы — черная мутная вода. Таня чуть не застонала — грязь она не выносила патологически. Просто пунктик какой-то.

А на улице даже не дождь, а наш родимый, российский ноябрьский кошмар: черный снег, перемешанный с дождем и реагентами. Ах да! Там у них, в «заграницах», обувь в гостях не снимают. Не принято! В чужие тапки влезать тоже не принято — не гигиенично! Лучше так, по ковру..

А разве у них такая грязь, как у нас, — жирная, мерзкая, мокрая и химическая?

Таня словно зачарованная смотрела, как *она* чапает по ковру.

Ковер был старый, еще бабулин, оттого и дорогой, любимый. Хороший ковер — не пошлый. Без золотисто-зеленых и красных вензелей, «огурцов» и завитушек, бежевый, светлый. Бабушка Оля тащила его на себе из Прибалтики.

«Я ее уже... ненавижу!» — подумала Таня, чувствуя, как закипают слезы.

Мамзель вошла в комнату, огляделась и со звуком подтащила к себе стул. Села. Нет, не так. Шмякнулась, плюхнулась на стул. Стул скрипнул. Еще бы! Она была крупной. Прилично крупной, заметим. И даже очень прилично! Метр восемьдесят, не меньше. Тане казалось, что все француженки не-

пременно худенькие, невысокие и изящные — такой вот образ создан в ее воображении. Например, актрисы — Мишель Мерсье или Милен Демонжо. Ну или Анни Жирардо.

Это же была скорее дочь финского лесоруба или шахтера из Силезии. Широкоплечая, крупнорукая, крупнотелая. Всего в ней было с избытком.

Таня, мелкая от рождения, так и недобравшая росту и не догнавшая своих одноклассниц, рядом с мамзель казалась Дюймовочкой.

А как же французский, многократно описанный шарм? Тонкий вкус, изысканная и недешевая скромность? Где это все?

Лицо у мамзель было широкое, скуластое и — незначительное. Нет, здесь речь совсем не о красоте! Лицо было невнятным, смазанным, что ли. Пройдешь и не вспомнишь, что знакомы.

Конечно, совсем не накрашена. Таню такие женщины смущали. Что это? Уверенность в своей неотразимости, в своей природной красоте? Ну, знаете ли! Слишком смело. Любой женщине макияж не помешает — хоть капельку, хоть чуть-чуть. Те, кто совсем не пользовался косметикой, вводили Таню в изумление — надо же, какая уверенность в своих чарах! Она сама была не из «злоупотребляющих». Но все же... А мамзель? Та игнорировала — и демонстративно! Словно хотела сказать — да мне наплевать! На всех наплевать. И в том числе — на тебя, дорогая будущая свекровь! Мне все равно, что ты подумаешь обо мне.

«Ладно, что я придираюсь, — подумала Таня. — А вдруг у нее аллергия?»

Она хотела быть доброжелательной. Очень хотела, честно! Однако выдавить из себя комплимент не получалось — никогда не умела кривить душой. И тут же вспомнила — лишь бы человек был хороший, а?

Хороший (предположительно) человек, не спросив разрешения, закурил.

Сынок заметался в поисках пепельницы. Пепельницы в некурящем доме не было. Он вытянул из серванта кофейную чашечку и поставил на стол.

Таня вздрогнула. Чашечка из подаренного когда-то сервиза была хрупкой, полупрозрачной и нежной — японский фарфор. Казалось, что наглости этой изящная вещица просто не вынесет и треснет — так неуважительно с ней еще не обращались.

«Чашечка-то выдержит, — мелькнуло у Тани. — А вот я...»

Да ладно — ничего не случилось, подумаешь, чашечка!

Она мотнула головой и натянула улыбку.

— Ну, дети мои! Давайте за стол?

Митька кивнул и тут же глянул на мамзель. Та пожал плечом и чуть сдвинула брови.

Таня вздохнула и стала накрывать на стол. Парадная скатерть, парадный сервиз. Метнулась на кухню — в холодильнике томились плоды ее усилий, все как положено: салат оливье (а он, этот мусью, был, между прочим, француз! Земляк, так сказать). Блюдо с «мимозой» — Митька этот салат обожал. Селедка, убранный красным лучком, и ее вечная спутница, отварная картошка, ожидавшая

своего часа, укутанная в два одеяла. Ну и по мелочи — нарезка, солености. В духовке томилась утка — любимая еда французов, не так ли? Толстая, даже жирненькая, с антоновкой в брюшке. По кухне плыл аромат.

Внося яства в комнату, Таня взглянула на ковер: два бурых пятна уже подсыхали.

Митька, сияя, открывал бутылку вина.

Мамзель сидела с каменным лицом — ни улыбки, ни жеста... ничего.

Таня приподняла плоску с салатом — вам... положить?

На лице мамзель появилась гримаса.

— Здесь — май-о-нез? Нет, спасибо. Не ем.

Таня вздрогнула и посмотрела на сына. Митька отвел глаза.

Она снова почувствовала, как подступают слезы. Только бы... только бы сдержаться! Не разреветься бы только! Да хрен с ней! Не жрет майонез, можно подумать! Пряма такая поборница здорового образа жизни! Смешно. Те выглядят по-другому — уж не такие коровы, как ты, милочка!

Так, стоп! Может быть, дело не в этом? Может быть, у человека со здоровьем проблемы? Или просто не любит? И такое бывает. Успокойтесь, Татьяна Евгеньевна! И на свой счет не берите — тоже мне, гимназистка, ей-богу! Чуть что — сразу в слезы. Да пусть не ест, черт с ней! Нам больше достанется.

Мадемуазель отказалась и от «мимозы» — снова гримаса.

А этот... жених... Изумленно моргнув, Митька удивился:

– Ой, Женеьев! Это так вкусно! Попробуй!

Мамзель вздохнула. Вздохнула так, словно они, эти странные люди, эта странная мамаша с ее чудачковатым сынком, достали ее окончательно.

Митька бросил на невесту осторожный и, как показалось Тане, испуганный взгляд.

– Ну что? – делано улыбнулась Таня. – За любовь? – И подняла бокал.

Митька радостно кивнул. Мамзель снова вздохнула.

Вино ей не понравилось. Как же, француженка! Конечно, она разбирается! А вот Таня не очень; ориентировалась на цену – чтобы не совсем уж дешево, но и не запредельно дорого.

А потом была утка.

– Французы ведь любят утку? – кокетливо спросила Таня.

Ну и получила:

– Французы – наверное. Но, полагаю, не все. У вас же не все любят борщ! Или сало?

– Значит, вы утку не любите? – уточнила Таня.

– Я к ней равнодушна, – спокойно ответила та.

«Ты еще и отвратительно воспитана», – хотелось добавить Тане. Смолчала, конечно. Куда денешься – выбор сына. Вот так. Сиди и молчи! На ус наматывай – что любит невестка, а от чего носик воротит.

– За что пьем? – уточнила Таня, посмотрев на Митю. – За вас?

Тот оживился, блеснул глазами и глянул на мамзель, словно ища одобрения.

Таня внимательно следила за сыном — ну с ним все понятно. Выводы сделаны. Сын ускользал. Уплывал, растворялся в неизвестной пугающей дали. Собственно, его уже и не было, ее сына, — напротив нее сидел почти незнакомый мужик. Готовый разлюбить «мимозу», грузинское вино, а заодно и ее, свою мать.

Разговор, конечно, не клеился. «Выжимали» для приличия — погода, премьеры в Ленкоме, новая выставка в Третьяковке. Ничего личного, как говорится. Сухо, банально и официально. Словно встретились малознакомые люди. Встретились и вот-вот разойдутся. И не будут друг по другу скучать.

Совсем не так все это Таня себе представляла... Она вообще *все это* не так представляла!

А как? Да пожалуйста, все очень просто! Придет сын с невестой. Разумеется, принесут цветы, тортик или конфеты — так положено, принято, заведено. Так она Митьку воспитывала. Думала — воспитала. Ага!

Пришли безо всего — она удивилась, но снова «сделала вид». Да все нормально! На улице дождь — не успели. В конце концов, они же «свои». Мама поймет и не осудит. И не обидится — мама есть мама!

Таня пыталась понять и не осудить. И не обидеться — тоже пыталась. В конце концов, собственное дитя всегда оправдаешь! Ну или попытаешься...

Вот, попыталась...

Ладно. Кто виноват? Значит, сама. Недодала, не объяснила, недоглядела.

— Может, обсудим свадьбу? — робко спросила Таня. — Событие все-таки... — с большим, надо сказать, сомнением добавила она.

— А что обсуждать? — Митька занервничал. — Денег нет, мам. Какая свадьба? Так, распишемся и сразу уедем в Париж. Вот и вся свадьба.

Таня разнервничалась:

— Нет, я все понимаю! Как говорится, не до грибов! Денег и вправду совсем нет! И все-таки, Митя! — Она намеренно обратилась только к сыну — вот ведь вредный народ мы, бабы! — А бабушка с дедом? А твои друзья, Сережка и Лешка? Со школы ведь вместе! Как не отметить? А тетя Света, наконец?

— Мам! — Митька покраснел. — Ну говорили же! Никаких там торжеств, никаких ресторанов! Глупость все это и бред! Кому это надо? Лично нам... вот совсем ни к чему!

Так, держи себя в руках, дорогая! Спокойнее, слышишь? Это ведь их жизнь, правда? Ты здесь немножечко... сбоку! Рядом, но сбоку, так? Взрослые люди — и их право решать!

Честно говоря, Таня и сама ненавидела пышные свадебные сборища, всех этих пупсов на машинах, шелковые ленты, искусственные «кладбищенские» цветы на длиннющих и пафосных лимузинах. Дурацкие платья с ярусами, рюши, атлас, накрученные, нелепые прически, стоящие немислимых денег. Тоска... Кабаки с подкисшими салатами (с майонезом, заметьте!) и откровенным воровством официантов. Пьяные гости и любопытные взгляды. Обсуждение молодых — в особенности невесты. К тому же... Кого здесь обсуждать? Мамзель Женевьеву? Она тут же представила свою подругу Светку, отца и маму: «Ох, Таня! Для кого мы растили нашего Митьку? Для нее? Для этой вот?»

«Соболезнуем, Танечка! Даром ведь что француженка! Наши девочки-то, а? Красотки! И нате вам, господи! И где он *такое* нашел?»

Да, хвастаться нечем...

На секунду она вообразила Женевьев на торжестве. Эта не наденет ни свадебное платье, ни парадные туфли. Прическу не сделает — наверняка. Так и явится в бутах своих, в майке-распустехе и дурацких, дурно сидящих штанах.

Нет, все правильно — свадьбы не надо.

И все-таки... Бабушка, дед — мама и отец. Сестра мамы тетя Маруся. Лучшая подруга Светка. Митькины друзья. Они, конечно, все удивятся. А старики и вовсе обидятся! И кстати, правильно сделают! Растили этого дурака, растили. И вот, получите!

— А бабушка, дед? — хрипло повторила Таня. — Их тоже не позовете? Побоку? Они, между прочим... У нас же так принято, Митя! Есть же традиции, а?

Завелась.

— Мам! — Митька кхекнул и бегло глянул на невесту. — Ну мы же говорили тебе! Пре-ду-преж-дали!

Укорил. Упрекнул. Разозлился.

Она это видела — мать.

Мамзель снова закурила.

Таня резко встала со стула и рывком распахнула окно.

— Простите! Я совершенно не переношу табачного дыма! Вы уж меня извините!

Сигарету, надо заметить, мамзель не затушила. «Все, это конец, — подумала Таня. — Это не просто конец — это конец-конец! И нет у меня больше сына».

Хочешь — смирись. Не хочешь — повесься.